

РАЗВИТИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

УДК 340.111

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СТРУКТУРНО- ФУНКЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПРАВОВЫХ ФЕНОМЕНОВ

И. Л. Вершок

Белорусский государственный университет,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: viarshok_irina@mail.ru

***Аннотация.** Рассматриваются проблемы функционального анализа в юридической доктрине. Делаются выводы об ограниченных возможностях данного метода и возможных эвристических ошибках при его применении.*

***Ключевые слова:** функциональный анализ, функции права, функции государства.*

***Annotation.** The problems of functional analysis in legal doctrine are considered. Conclusions are drawn about the limited possibilities of this method and possible heuristic errors in its application.*

***Keywords:** functional analysis, functions of law, functions of the state.*

В настоящее время наблюдается достаточно большой интерес к проблемам функциональной характеристики многих юридических явлений. Функциональный анализ осуществляется часто, причем его использование не зависит от уровня обобщения при проводимых исследованиях. В некоторых случаях имеет место простой функциональный анализ, в то время как ряд авторов используют структурно-функциональное его направление. В результате в юридической науке появляются концептуальные положения о функциях права, государства, а также выделяются функции юридического конфликта, правосознания, правовой культуры.

Указанный методологический подход фундирован на идеях философского позитивизма, заменившего понятие казуальности категорией «функциональная зависимость», а понятие причины — термином «совокупность условий» [1, с. 12]. Характерно, что в теоретико-правовых исследованиях функция обычно характеризуется как основное направление деятельности (или воздействия), обусловленное социальным назначением изучаемого предмета, в частности, государства или права. В иных случаях функция рассматривается как социальная роль, что можно понимать предельно широко [2, с. 24]. В таких определениях отсутствует конкретизация, в чем именно лице осуществляется

данное воздействие, деятельность или роль, например, при воспитательной или коммуникативной функции права, а также экономической или интегративной функции государства. Абстрактность такого функционального анализа делает исследование оторванным от практических реалий, что неприемлемо для любой отрасли научного знания, особенно юридической.

В некоторых случаях в правоведении функции характеризуются путем механического их перечисления, без соответствующей характеристики самой функции как основания для классификации. Это характерно, например, для функциональной характеристики правовой культуры, которая, как и правосознание, по мнению многих авторов, выполняет познавательную, регулятивную, оценочную (ценностную) функции [2, с. 24]. В результате справедливо возникает вопрос: как правосознание и правовая культура, будучи качественно различными проявлениями правовой действительности, могут выполнять абсолютно идентичные функции? Либо почему сам термин «функция» при анализе правового сознания и правовой культуры наполняется разным содержанием, что нарушает семантическое постоянство в науке? В этой связи примечательно, что И. А. Демидова, по-своему преодолевает указанную коллизию, обосновывая функциональную характеристику правовой культуры на уровне (1) общих функций, сопряженных с функциями культуры в целом, (2) специфических функций отдельных структурных элементов правовой культуры и (3) целевой функции системы правовой культуры [3, с. 181].

Если продолжать далее логику тех авторов, которые используют до сих пор функциональный анализ абстрактных категорий (государства, права и смежных философских понятий), появится возможность абсолютно все их внешние процессы проявления априори относить к функциям государства и права. Примером такого радикального функционального подхода является формулировка правотворческой функции правосознания или признания участия правосознания в формировании права [4, с. 5–8; 2, с. 26–27]. На самом деле в правотворческом процессе, как и в правообразовании, непосредственно функционируют сами субъекты, а не их правосознание. Аналогичным образом А. И. Абрамов рассматривает воспитательную функцию правосознания, но при этом признает, что такая классификация носит преимущественно интуитивный, ненаучный характер [2, с. 31]. Например, в соответствии с Кодексом Республики Беларусь об образовании от 13 января 2011 г. № 243-З (с изм. и доп. от 14 января 2022 г.), воспитание осуществляется в системе образования, и поэтому в значительную часть воспитательного процесса вовлечены субъекты образовательных отношений (особенно учреждения образования) в пределах их компетенции. Правосознание непосредственно не несет такого функционального предназначения, как воспитание.

Применение структурно-функционального анализа в доктрине права также обладает рядом изъянов. Существенным недостатком данного метода является то, что полученные на его основе выводы о структуре и функциях отдельных компонентов социально-правовой действительности невозможно подвергнуть повторной верификации в условиях, абсолютно идентичных первоначальным. Фактор, выявленный ранее в качестве причины, при повторном воспроизводстве может стать условием, воздействующим на изучаемый предмет при многих иных параметрах окружающей среды, и не обязательно снова станет причиной. Будучи механически имплементированным из естественно-научной отрасли в гуманитарную сферу, структурно-функциональный метод порождает ряд сложностей в использовании: «Функционализм на деле стремится к минимализму, стремится говорить то, что значит меньше, чем можно было бы подумать» [5, с. 49].

Попытка использовать структурно-функциональный подход к решению глобальных юридических проблем в качестве универсального связана с господствовавшим в классической науке «редукционистским мышлением», предполагающим для усовершенствования предмета исследования (не только органической, но и социальной природы) необходимость разобрать его на составные части [6, с. 16] и воздействовать на дефектную часть в целях оптимизации работы всей системы. Методологической неточностью в таких случаях является попытка огульного проведения функционального анализа, независимо от уровня исследовательского обобщения и без установки четких критериев классификации функций структуры. В результате определение структуры и функции осуществляется не для конкретных юридических феноменов, а в отношении неких абстрактных категорий, формируемых и используемых на философско-мировоззренческом уровне вне привязки к конкретным пространственно-временным параметрам. Происходит попытка решения философских проблем метавысокого уровня абстракции путем применения специальной научной методологии.

В этой связи обратим внимание на то, что в естественно-научных исследованиях, опирающихся на четкие причинно-следственные связи и неоднократно воспроизводимых опытным путем, функциональный анализ дает более объективный результат. Он направлен на решение конкретных прикладных проблем, а выявление прямой причинно-следственной связи имманентно связано с определением определенной функции. В результате полученные выводы о функциональных признаках феноменов как предмета естественно-научных отраслей науки обладают логикой и отвечают эмпирическим выводам, сформированным как на уровне индукции, так и в дедуктивных направлениях размышлений. Например, системы органов животных (пищеварительная, дыхательная,

кровеносная) объединяют в себе несколько частей организма, выполняющих схожие функции. И наоборот, отдельные части организма, выполняя определенную функцию, взаимодействуют со схожими органами, выполняющими аналогичную функцию. Данное взаимодействие обеспечивает выполнение организмом всех его жизненных функций. Следует отметить, что данный исследовательский подход стал основой для структурно-функциональной характеристики явлений, объективно существующих в природе и техногенной среде, а впоследствии был перенесен в юридические дисциплины. Однако следует иметь в виду, что структурно-функциональный анализ не эффективен в отношении абстрактных категорий, к которым, например, относятся право и государство, без соответствующего уточнения, о каких действительных государственных или правовых феноменах идет речь, каковы пространственно-временные границы их проявления.

Лишь бытие государства и права как реальных феноменов, в отличие от соответствующих категорий, сконструированных в результате построения субъективной мировоззренческой концепции, может проявляться функционально. При этом исследователям нельзя смешивать философию с научно-содержательной сферой [7, с. 120]. Соответственно, вместо абстрактного права, структурно-функциональному анализу целесообразно подвергнуть реальные правовые феномены, например, правоотношение или правовую норму, привязываемые к определенным пространственно-временным границам (правовой системе, отрасли права). В свою очередь, структурно-функциональный анализ государства актуален в отношении конкретных феноменов аппарата государства, государственного органа.

Функциональный подход присутствует и в ряде иных отраслей. В области компьютерных технологий специалисты исходят из того, что функцию, которую можно высчитать с помощью одной специфической вычислительной архитектуры <программного обеспечения>, можно также высчитать (возможно, куда менее эффективно) с помощью иной архитектуры [5, с. 50]. Имплементация данного вывода в юридическую область дает основания предположить, что реально существующая функция может быть объективно установлена только на основании изучения практики, причем с разных параметров, ракурсов и углов зрения (междисциплинарные исследования функции предмета), а также оценки ее приоритетности по сравнению с другими направлениями деятельности. Иными словами, реальность функции изучаемого феномена необходимо подвергать верификации на предмет того, насколько она является действительно функцией, связанной с сущностным его проявлением, а не простым направлением деятельности. Связь структуры со своими функциями фундаментальна, поскольку структура полностью лишится своей родовой функции не может.

Исчезновение одной из функций привело бы к исчезновению самой структуры [8, с. 16]. На основе указанного методологического принципа становится актуальным вопрос, насколько регулятивная функция права является одинаково приоритетной как для отрасли гражданского, так и для уголовного законодательства, в то время как в общей теории права общепризнано, что за регулятивной функцией права закреплён огульный и универсальный приоритет перед охранительной.

С применением принципов функционального подхода в области компьютерных технологий возникает вопрос, насколько однородна во всех отраслях интегративная функция, в настоящее время признаваемая для права в качестве важнейшей или основной. Полагаем, что нормы конституционного права связаны с ней в большей степени. В свою очередь, нормы уголовного права не могут в аналогичной мере осуществлять социальную интеграцию как минимум из-за реализации принципа индивидуализации ответственности.

Структурно-функциональный подход актуализирует ещё одну проблему, не затрагиваемую современной юридической доктриной: какова величина полезности при обмене энергией при выполнении конкретной функции, и какая доля приходится на диссипированную энергию (ту, которая утрачивается необратимо). Проблема функционального анализа влечёт за собой новый уровень правовых исследований, связанных с оценкой эффективности юридических феноменов и с выявлением, насколько функция направлена на создание и реализацию сложных стратегий за счёт объединения нескольких простых действий. При этом обратим внимание, что теория системного анализа исходит из принципа экзогенности, проявляющегося через аксиоматизацию примата внешних детерминант над внутренними показателями. В этой связи методологически правильнее не изучать эффективность права или государства в целом, а оценивать эффективность конкретной правовой нормы (действующей в настоящее время или уже отменённой), а также правового регулирования в определенной сфере.

Так, доктринальное определение в регулятивной функции права статической и динамической составляющей распространено, в то время как экономическая функция государства до сих пор изучается огульно и не подвергается детальному анализу на предмет собственных подфункций, их корреляции со сложившимся опытом и созданием стратегий. Указанный доктринальный пробел требует своего восполнения новыми разработками, но не по огульным проблемам экономической функции государства, а по вопросам границ правового вмешательства в экономические отношения и определения методов правового регулирования. Общее рассмотрение экономической функции в отношении абстрактного термина «государство» исключает познание его элементов,

отражающих реальность государства как феномена [7, с. 119], и переносит исследование в ранг мировоззренческой концепции.

Соглашаясь с наличием определенного эвристического потенциала структурно-функционального анализа прикладных юридических проблем для выявления и изучения сложившихся функциональных связей как внутри структуры изучаемого феномена, так и вне ее, отметим важность эмпирического подтверждения и верификации получаемых результатов.

1. Калужский М. Л. Общая теория систем. М. : Директ-Медиа, 2013. 177 с. [Вернуться к статье](#)

2. Абрамов А. И. Функции правосознания и их взаимосвязь с функциями права // Известия высш. учеб. заведений. Правоведение. 2006. № 5 (268). С. 23–35. [Вернуться к статье](#)

3. Демидова И. А. Правовая культура современного белорусского общества: методология исследования, вопросы понимания и совершенствования. Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2021. 396 с. [Вернуться к статье](#)

4. Короткова О. И. Правосознание, его правореализация и роль в правотворческом процессе // Гос. власть и местное самоуправление. 2013. № 1. С. 5–8. [Вернуться к статье](#)

5. Деннет Д. Сладкие грезы. Чем философия мешает науке о сознании ; пер. с англ. А. Н. Коваля ; под ред. М. О. Кедровой. М. : УРСС : ЛЕНАНД, 2017. 304 с. [Вернуться к статье](#)

6. Сапольски Р. Гены, наше тело, общество ; пер. А. Петровой. М. : Альпина нон-фикшн, 2020. 280 с. [Вернуться к статье](#)

7. Матарас В. Н. Предмет и объект в теории государства // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Эконом. и юрид. науки. 2017. № 5. С. 119–122. [Вернуться к статье](#)

8. Крет О. В. Правовая реальность: онтолого-гносеологический анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук ; Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. Тамбов, 2007. 18 с. [Вернуться к статье](#)